

З

а последние два десятилетия в жизни воронежских писателей случалась такая же турбулентность, что и во всей стране: объединения, разделения, прибавления, убывания, переименования, подновления уставов и инструкций, добывание куска хлеба, поиски места под солнцем и т. п. Назрела пора поговорить о новом этапе нашего существования, поговорить новыми и дельными словами, выложить на стол все карты, все «за» и «против», все пожелания и претензии. Только кому? Самим себе? Главное — предъявить миру все, что сделано за эти годы: романы и повести, статьи и рассказы, стихи и песни, пьесы и переводы. Они-то и покажут, куда подвинулась стрелка творческого спидометра у каждого из нас...

Стать членом СП в советское время было жгучей мечтой всякого, кто взял в руки славолюбивое перо. Окрыляло само звание: писатель! Ну как же, сердцевед и сердцеед, инженер человеческих душ, народа водитель и народа слуга, открыватель запредельных миров и тайн, покоритель и творец высокого, избранного Слова! Но оказаться членом СП можно было после былинных или сказочных испытаний. Мне, например, повезло только после третьего захода, к тому же не в Воронеже, а в Москве, на правлении СП РСФСР. Для вступления надо

было иметь несколько публикаций, в лучшем случае книгу и три писательские рекомендации. Все это у меня было, но я начинал с критических статей, поэтому старым писателям ничего хорошего ждать не приходилось, и меня дважды, как говорится, прокатили. Только благодаря вмешательству А. Жигулина меня приняли в Союз в Москве в 1981 году.

«Нет, пожалуй, в России более высокого звания, чем писатель», — почему-то заявил недавно А. Запесоцкий (1, 11). Да, наверное, так бывало в иные времена. Но теперь... Страна, где все перевернулось и неизвестно, когда уляжется, страна, где поменялись местами знаки и символы, где жалеют о прошлом, а на будущее взирают с гнетущей тревогой, где как дьявольская сила отменена идеология, писателю трудно самоопределиться. В переломные эпохи между искусством и государством всегда идут перерасчеты: прежние контракты и соглашения утратили силу, а для новых не находят убедительных доводов. Или не хотят искать, боясь рецидивов прошлого? «Современная жизнь, — пишет Ю. Буйда, — ничего не требует от писателей» (2, 14). Как же так, всегда требовала, давала заказы, ожидала исполнения. Не потому ли, считает С. Филатов, «литература сегодня не смогла быть учителем жизни» (3, 9). О чем вы? Каким учителем? Какой жизни? От подобных слов отмахиваются, как от кусучих оводов. «Современный молодой автор, — продолжает С. Филатов, — отказывается от того, что мы раньше называли эстетическим идеалом, потому что реальная жизнь разрушила многие идеалы» (3, 9). А не рушила ли их сама литература, начиная с перестройки? Все вверх дном перевернула, всю изнанку, все низы обнажила, надо всем идеальным и высоким поиздевалась под одобрительные аплодисменты и премии. Так она вошла в разоблачительный раж, что трудно остановиться, даже перед «применительно к подлости». Увы, «за патриотизм ни «бабок» не дают, ни в халявные турпоездки по заграницам не приглашают. Платят за предательство» (4, 4). Звучит страшно, но все чаще, доходя до кощунства. Ну, хорошо, добьем все советское, разрушим до основания, а что же «затем»? Голый человек на голом месте?

Поразительно, но как быстро сходят со сцены великие, ничем не запятнавшие себя имена. Почему? Либо их искусственно и назойливо насаждали, либо они сами стали угасать в иных жизненных обстоятельствах, либо читатель когда-то в них обманулся, а теперь прозрел. Либо наше сознание так разошлось с реальностью и современным искусством, что мы уже не способны их адекватно воспринимать. Причин много, и они разного свойства, но одна из них важнее других: в искусстве и общественном сознании начисто снята проблема идеала, положительного героя, а без него — как без луча во тьме. Мы не в силах подняться до него, потому и раздражаемся и свергаем его с пьедестала. Даже о социальной справедливости и равенстве мы говорим как-то извинительно и робко, будто не стоим за нашими плечами многовековая гуманистическая литература, будто с приходом рынка наступил на земле вечный рай. Трудно писателю выбрать свою тропу в грохочущей современности, среди кричащих студий и эстрад. Мы не слышим, мы плохо знаем друг друга, стесняемся обмениваться сокровенными мыслями и творческими замыслами, одаривать коллег душевными находками.

Статус писателя у нас до сих пор не определен, главное дело его жизни не имеет профессионального обозначения. Журналист, актер, художник, менеджер, стеклодув имеют профессии, а писатель по сути — никто. Даже во время Великой Отечественной войны во фронтовых газетах была такая должность — фронтовой писатель. Отсутствие статуса создает впечатление о писателе как о бесцельно порхающей бабочке, когда другие работают. Но подобное представление простительно лишь для тех, кто не искушен в проблемах творчества. Вспомним, как в «Стране Муравии» председатель сельсовета задержал Никиту Моргунка, развезжающего по стране в поисках бесколхозной земли:

Одно не ясно мне:
Без никакого дела
Ты едешь по стране.
Вот, брат! — И председатель
Потер в раздумье нос:
— Ну, был бы ты писатель,
Тогда другой вопрос.
Езжай! И в самом деле,
Чего с тебя возьмешь? (5, 263)

Для Моргунка его путешествие — вопрос вопросов, последняя попытка остаться хозяином на своей земле или оказаться рабом на колхозной. А для председателя сельсовета его поиски земли обетованной, то есть бесколхозной страны Муравии, — бесполезное дело, чудачество: «Чего с тебя возьмешь?» Писателю оно простительно, крестьянину — нет.

В поэме «За далью — даль» придирчивый провинциальный читатель предъявляет суровый счет не только одному писателю, едущему в творческую командировку, но и всей советской литературе. В своей критической инвективе (кстати, во многом справедливой, идущей от самого Твардовского) этот читатель готов всех призвать к ответу:

Того-то вы не отразили,
Того-то не дали опять.
А сколько вас в одной России?
Наверно, будет тысяч пять?
Мол, дело, собственно, не в счете,
Но мимо вас проходит жизнь.
А вы, должно быть, водку пьете,
По кабинетам запершись.
На стройку вас, в колхозы срочно,
Оторвались, в себя ушли...

Тут типичный набор обвинений, гремевших по начальническим кабинетам в 60–70-е годы. Твардовский использует в своем тексте амбивалентно: и сатирически, и всерьез. «В себя ушли» звучит не очень обвинительно — быть может, прислушаются к себе, разыщут, вытащат из-под спуда заветное, неповторимое слово. Беда, когда такое слово подменяют пустыми словесами, симулякрами, бледной немочью, а, в конце концов, фальшью:

Глядишь, роман, и все в порядке:
Показан метод новой кладки,
Отсталый зам, растущий пред.
И в коммунизм идущий дед.
Она и он — передовые,
Мотор, запущенный впервые,
Парторг, буран, прорыв в аврал,
Министр в цехах и общий бал...
И все похоже, все подобно
Тому, что есть иль может быть,
А в целом — вот как несъедобно,
Что в голос хочется завывать (6, 241–242).

Но завывали в перестроечные и в 90-е годы на всю советскую литературу, даже поминки по ней устроили, а ведь в лучших ее вещах, как говорится, «человек сгорел», но живая жилка бьется. Давно написанные, они и сейчас обжигают нас укоряющим огнем: не уберегли, сдали Советский Союз, который мы для вас ценой жизни завоевали, живое слово и дело пустословием о «развитом социализме» под-

менили. Предупреждали: «Так жить нельзя», к совести и чести зывали, но вы соблазнились другой мечтой...

В картинах литературной жизни, нарисованных Твардовским в поэме «За далью — даль», писатель повязан руководящей волей. То же самое произошло и с Союзом писателей — государством в государстве, с параллельными органами — вплоть до особых отделов. Теперь возникает нечто иное, идущее вроде бы снизу, но не менее обезличенное: «Горе «литературным корпорациям», которые не знают и не хотят знать эту жизнь, — писал совсем недавно К. Анкудинов. — Продукция сих корпораций может получить все премии, какие только существуют. Но народ к ней останется равнодушен» (7, 13).

Сам собой возникает вопрос: способствовал ли Союз писателей развитию литературы или мешал? Однозначного ответа ждать не приходится. Если вспомнить искореженные, искалеченные судьбы писателей, уничтоженные, запрещенные, задержанные, прочесанные цензурой книги многих авторов, то скажешь: мешал. Но было и другое: приобщение к знаниям и культуре, к большим идеям, к народной судьбе. Мы знаем многие выдающиеся произведения, которые стали советской классикой. Хотя СП сформировался сверху, по приказу, сложился он не одномоментно, а в процессе долгой эволюции. Самоорганизация и организация — вот два культурно-исторических процесса, которые в конце концов образовали так называемое культурное гнездо, структурной частью которого является Союз писателей. Понятие культурного гнезда выдвинул и обосновал в конце 20-х годов прошлого века Н.К. Пиксанов (8). Кстати, он признал Воронеж полноценным культурным гнездом. Чтобы назваться таким, областной город должен располагать целым набором признаков, в ряду которых классический университет, фундаментальная библиотека, академический театр, писательская организация во главе с ведущим писателем, школа критики, духоподъемная публика и т.п. До Пиксанова, еще в середине XIX века, Ф.И. Буслаев писал об «областническом» характере русской литературы, придающем ей особый аромат и языковую многоцветность, на что указывал и И.А. Бунин в своей характеристике русской литературы подтепья. На этих идеях сформировалась воронежская ветвь литературного краеведения, обретшая теоретическую глубину и фактическую достоверность в трудах О.Г. Ласунского.

Исследуя истоки городской воронежской культуры, П.А. Попов как бы между прочим заметил: «Губернских или городских управленческих структур в области культуры в Воронеже до революции не существовало» (9, 7). Хочется порадоваться: ведь после революции сразу, словно из-под земли, стали выскакивать всяческие комиссариаты, управления, комитеты, отделы и прочие структуры. Пустить культуру на самотек, как при царе-батюшке, революционная власть не могла.

Опорные основы воронежского культурного гнезда заложил, конечно, Петр Великий. Он вдохнул в провинциальную жизнь неукротимый темперамент стройки, преобразований, тягу к европейским формам жизни. Прошло почти целое столетие, и это гнездо стало наполняться новым, духовным содержанием. Граду и миру явился великий культурно-религиозный деятель Евгений Болховитинов. Вокруг него быстро самообразовался первый в Воронеже научно-литературный кружок. Ориентируясь на опыт К. Новикова, Болховитинов подготовил Словарь государственных деятелей России, Словарь светских и Словарь духовных писателей, был инициатором создания губернской типографии, а в 1800 году опубликовал знаменитый труд «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии». В предисловии к Словарю писателей он высказал важную для нашей темы мысль: «История писателей есть существенная часть литературы, потому что они составляют даже эпохи и периоды ее (эпоха Пушкина, например, или эпоха Блока. — В.А.). Но знать писателей чужестранных есть по-

стороння для нас честь, а не знать своих отечественных есть собственный стыд наш. Отечество наше, недавно обогатившееся науками, давно однако ж имело своих писателей» (10, 32). Тут впервые прозвучала мысль о том, что судьбы писателей неотделимы от истории литературы, а значит от истории страны, впервые сформулированы задачи истории литературы как науки. Если бы государственные мужи хорошо усвоили эту мысль, они не погубили бы столько писателей и деятелей культуры.

Передавая свой Словарь писателей в дар Московскому обществу истории и древностей российских, Болховитинов высказывает пожелание, чтобы Общество пересмотрело и исправило его труд, а потом издало бы его от себя, не упоминая имени автора. Поразительная скромность и альтеруизм! Это в духе древнерусской свято-отеческой литературы, как бы стыдящейся авторства, ибо считалось, что всякое творчество — это от Бога, а что людьми создано — это хитрость.

Весь XIX век — это укрупнение, обживание и украшение Воронежского культурного гнезда. На это работали школы и гимназии, Духовная семинария, Кадетский корпус, театры, газеты и журналы (в особенности «Филологические записки», основанные в 1860 г. А.А. Хованским), преподаватели учебных заведений, научно-поэтические и краеведческие кружки А.П. Серебрянского, Н.И. Второва и других. Могучее воздействие на литературную и культурную жизнь Воронежа оказали наши выдающиеся поэты пушкинской и некрасовской школы А. Кольцов и И. Никитин. «Люди вроде Н.И. Второва, — пишет О.Г. Ласунский, — составляли «золотой фонд» человеческих ресурсов в провинции. Они были двигателями губернского прогресса... Они возмущали размеренный строй жизни, становились мощным импульсом для развития творческой мысли» (11, 94). Материалы второвского кружка хранятся в архиве Русского Географического общества, их активно изучает научный коллектив филологического факультета во главе с доцентом Т.Ф. Пуховой и публикует в «Афанасьевских сборниках».

Октябрьская революция пришла к нам не только с новой властью, новыми порядками и громкими декретами, но и с Юрьевским университетом, разместившимся в Кадетском корпусе и ставшим университетом Воронежским. Правительственный комиссар, ведающий эвакуацией университета под угрозой немецкой оккупации, назвал его «истинным рассадником культуры и знаний». В Воронеже университет будет работать «на широких демократических началах: свободного доступа в него всех желающих получить высшее образование, преимущественно для детей пролетариев и неимущих классов, и бесплатного обучения в нем» (12, 18). Воронеж заполучил 39 профессоров, 45 высококвалифицированных преподавателей, 210 студентов старших курсов, богатую библиотеку, музеи, лаборатории. Университет изменил «не столько внешний облик города, сколько внутреннее состояние, став средоточием высокой духовности, нового типа мышления, в котором широта общекультурных интересов сопрягалась с активной созидательной деятельностью» (12, 6). Более того, университетские поэты, участники литобъединений активно взаимодействовали с городской творческой молодежью. Из этого взаимодействия зарождалась городская литературная жизнь, будущие кадры воронежской писательской организации. Заметную роль в объединении писательских сил в 1920-е годы сыграли Самбикинский салон и литературный кружок «бархатного профессора» П.Л. Загоровского, получивший название «Чернозем». О.Г. Ласунский писал о нем: «Многие годы он без всяких понуканий со стороны посвящал себя тому, чем позднее будет заниматься целая писательская организация: выискивал и растил литературные таланты» (13, 89). Конечно, там многое было на уровне самодеятельности, завышенных ожиданий, но шла учеба. Позднее это взаимодействие усилилось на уровне литобъединений при СП и ВГУ и особенно на уровне университетских Дней поэзии (с 1956 года по настоящее время).

Что отличал советского писателя от дореволюционного? Советская литература зарождалась под громкие призывы и лозунги, с твердым заданием. Этим твердым заданием стал для нее Декрет о печати — один из первых после революции. Для молодых это был поднятый шлагбаум, побуждение и позволение творить в рамках дозволенного. Если власть что-то разрешает, а многое запрещает, то каждый труженик пера должен стать в строй и считать себя «мобилизованным и призванным». Разное понимание этой призванности сказалось на появлении многочисленных группировок и ожесточенной борьбы между ними. Эта борьба шла и за выживание, и за то, чтобы успешнее выполнить «приказ по армии искусств», получить право быть первым и единственным голосом партии и государства. В Воронеже, как и в других городах, эти группировки прикипают к редакциям газет и журналов, к советским и партийным органам.

Со сменой власти, по словам А. Платонова, с необычной частотой возгораются «огненные знаки стремления пролетариата к творчеству прекрасного. Неизбывные, неизжитые силы рвутся в мир через... сборники, журналы и скромные на вид брошюры» (14, 37). Резко повышается температура творчества, «пламя революции начинает перекидываться из сфер политической борьбы в область художественного творчества, искусства» (14, 38). Наблюдая, как рванулись к этим газетам и брошюркам молодые поэты (а с ними и он сам), Платонов предугадывает неизбежность рождения из этих стихийных масс организованных коллективов, создающих новое искусство. Причем во многих своих идейных построениях он идет от производства, давно ставшего коллективным: «Станки и мастерские научили человека вливать свои одинокие силы в мощный поток организованных усилий» (14, 39). Он вообще считал, что индивидуальное творчество создает лишь «искусственное искусство», а настоящее, первородное «есть удел всего человечества, а не отдельного лица». Исходя из всего сказанного, Платонов предлагает образовать из воронежского железнодорожного пролетариата при журнале «Железный путь» студию «коллективного художественно-литературного творчества». Накаленный пламенем революционных идей, Платонов идет до конца, он хотел бы, чтобы искусство стало производством вещей и машин, чего тогда так не хватало: «Поэзия пролетарской эпохи будет не организацией символов, признаков материи, а организацией самой материи, изменением самой действительности» (14, 197). И вот когда с помощью чудесных машин, которые умнее человека, будет покорена природа, «вот тогда будет пролетарское всечеловеческое неимоверное прекрасное искусство» (14, 197). Позднее Платонов осознает, как он поневоле подпал под власть символов и призраков революции, от которых спасает только «чутье правды»...

Что же касается объединяющего, артельного начала, то оно всегда помогало народу одолевать разные барьеры и переправы на нашем пути. Артельность вообще в духе и в крови русского народа, она сказалась и при объединении в Союз писателей СССР в 1934 году. Многие тогда хорошо знали, что такое Советская власть и что для нее значила отдельная личность. Артельность в какой-то мере избавляла от страха и несвободы даже в годы репрессий. Как она проявит себя теперь, в эпоху олигархов, корпораций и равных возможностей?..

В наши дни воронежское писательское сообщество разделено на Союз писателей России, Союз российских писателей и массу самостоятельных организаций. О многих литераторах написаны статьи и даже книги, многие известны не только в родной стране, но и за ее пределами. Считаю, что воронежское писательское сообщество было бы сильнее и влиятельнее, если объединилось бы на новой, более широкой идейно-эстетической и культурной платформе. У нас одна Родина, мы живем в одно время, стремимся к общим целям — зачем нам разделяться, и что нам делить?..

ЛИТЕРАТУРА:

1. Запесоцкий А. Самостоянье человека, залог величия его // Литературная газета. — 2019. 26 декабря 1918 — 15 января 2019. — № 52.
2. Буйда Ю. Смута в Пятом царстве // Там же.
3. Филатов С. Выход из спячки // Там же.
4. Мазурова Л. Памятник неизвестному оккупанту все еще красуется в Россоши // Там же.
5. Твардовский А.Т. Собр. соч. в 6 томах. — М. — 1976. — Т. 1.
6. Твардовский А.Т. Собр. соч. в 6 томах. — М. — 1978. — Т. 3.
7. Анкудинов К. Запрос от Соляриса // Литературная газета. — 2019. 26 декабря 1918 — 15 января 2019. — № 52.
8. Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. — М.-Л. — 1928.
9. Попов П.А. Истоки городской культуры // Воронеж. Культура. Искусство. — Воронеж. — 2006.
10. Очерки литературной жизни Воронежского края. XIX — начало XX в. — Воронеж. — 1970.
11. Ласунский О.Г. Литературная прогулка по Воронежу. 3-е изд., переработанное и дополненное. — Воронеж. — 2006. — С. 94.
12. Рожденный революцией. Документы, воспоминания. — Воронеж. — 1988.
13. Ласунский О.Г. Литературная прогулка по Воронежу. — Воронеж. — 2006.
14. Платонов А. Чутье правды. — М. — 1990.
15. Путинцев А.М. Воронежская литература. — Воронеж. — 1929.
16. Тонков В.А. Писатели-воронежцы XIX и начала XX вв. — Воронеж. — 1947.
17. Ласунский О.Г. Литературно-общественное движение в русской провинции (Воронежский край в «эпоху Чернышевского»). — Воронеж. — 1985.

